ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XXI, вып. 1.

СОДЕРЖАНІЕ.

Казанскія новокрещенскія школы. К. В. Харлампповича . . 1—91.

Объ одномъ мусульманскомъ могильномъ камнѣ на архіерейской дачѣ въ Казани (съ фотограф. снимкомъ). Н. И. Ашмарина. 92—112.

Библіографія. Н. Ѳ. Катанова. . . . . 113—120.

Приложеніе.

Объявленіе отъ Императорской академіи наукъ . . . . . I—IV.

БИБЛІОТЕКА
Центральнаго Государственнаго
АРХИВА Чувашской АССР
Инв. № 1260

Казань.

Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета

1905.

Вышелъ 12 марта.

Объ одномъ мусульманскомъ могильномъ камнѣ въ загородномъ архіерейскомъ домѣ въ Казани.

Въ августѣ мѣсяцѣ текущаго 1904 года кондукторомъ инженерной дистанціи казанскаго военнаго округа П. Н. Комаровымъ былъ сдѣланъ, по моей просьбѣ, фотографическій снимокъ съ одного изъ двухъ могильныхъ камней, находящихся недалеко отъ г. Казани, въ загородномъ архіерейскомъ домѣ, лѣтнемъ мѣстопребываніи казанскихъ архіепископовъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этихъ камняхъ уже имѣются въ литературѣ, касающейся древнихъ памятниковъ казанскаго края; однако, насколько мнѣ извѣстно, болѣе или менѣе точнаго перевода мусульманскихъ надписей, высѣченныхъ на томъ и другомъ камнѣ, а также и снимковъ съ этихъ надписей, до сихъ поръ никѣмъ напечатано не было. Такъ, въ извѣстномъ сочиненіи С. М. Шпилевскаго: „Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи. Казань, 1877“, на стр. 475—477, въ отдѣлѣ: „Мусульманскіе надгробные камни въ городѣ Казани и окрестностяхъ ея“— даются свѣдѣнія о двухъ мусульманскихъ надгробіяхъ, лежащихъ „въ загородномъ архіерейскомъ домѣ, такъ называемомъ Новомъ Іерусалимѣ, находящемся недалеко отъ Казани“. Первый изъ этихъ камней, по словамъ сочиненія, „имѣетъ 5 арш. длины и 1 арш. 5 в. ширины, онъ лежитъ верхнею

частью къ дорогѣ; верхняя часть обозначается обсѣченною на камнѣ дугою, внутри которой находится надпись, продолжающаяся и ниже обсѣченнаго пространства строками; можно ясно различить 15 строкъ, послѣднія двѣ строчки очень стерты, а далѣе буквъ уже не видно; можетъ быть, надпись здѣсь оканчивалась, или нижняя половина очень стерта.

Кромѣ этой надписи, продолжаетъ авторъ, уже въ самомъ палисадникѣ, разведенномъ передъ архіерейскимъ домомъ, возлѣ колокольни, лежитъ другой небольшой камень, почти квадратный—14 верш. въ длину и 13 въ ширину; въ одномъ углу этого камня видно нѣсколько буквъ. Возлѣ послѣдняго камня лежитъ еще третій треугольный осколокъ въ $14^1/_2$ вершк.въ длину, 11 верш. въ ширину, но никакихъ буквъ на немъ незамѣтно. Ко второму камню, такъ же, какъ и къ первому, татары приходятъ молиться.

Г. Березинъ, говоритъ дальше С. М. Шпилевскій, указывая на камни, на которыхъ встрѣчается обозначеніе года „пришествія угнетенія“ [1]), говоритъ, что этотъ годъ является и на одномъ камнѣ на дворѣ архіерейскаго дома подлѣ Казани. На основаніи опредѣленія Березинымъ положенія камня, не передъ воротами архіерейскаго дома, а на самомъ дворѣ, подъ камнемъ, упоминаемымъ Березинымъ, должно разумѣть второй мною указываемый. Какимъ образомъ попали сюда камни—неизвѣстно.

Въ протоколахъ Археологическаго общества 1856 г. указано, что адъюнктъ арабскаго языка въ спб. университетѣ Навроцкій сообщилъ снимокъ и объясненіе двухъ мусульманскихъ надгробныхъ надписей, находящихся близъ Казани и любопытныхъ, какъ въ палеографическомъ, такъ и въ лингвистическомъ отношеніяхъ.

---

[1]) Теперь уже можно считать окончательно установленнымъ, что никакого года „пришествія угнетенія“ на болгарскихъ камняхъ нѣтъ.

Гдѣ находятся эти надгробія—неизвѣстно; должно предполагать, что здѣсь говорится о двухъ вышеуказанныхъ камняхъ, изъ которыхъ одинъ подлѣ воротъ архіерейскаго дома, а другой около колокольни.

Въ протоколѣ 5 декабря 1859 г. сказано, что В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, на котораго возложено было разсмотрѣніе статьи г. Навроцкаго: „О двухъ древне-мусульманскихъ могильныхъ памятникахъ, находящихся близъ Казани“, представилъ о ней свое мнѣніе. Положено: напечатать эту статью, выписавъ предварительно изъ Казани болѣе точные и полные рисунки надписей.

О дальнѣйшей судьбѣ статьи г. Навроцкаго—кончаетъ г. Шпилевскій—мнѣ неизвѣстно“.

О тѣхъ же самыхъ могильныхъ памятникахъ говорится во II т. сочиненія мѣстнаго татарскаго ученаго Шигабуддина Марджани: كتاب مستفاد الاخبار فى أحوال قزان وبلغار („Книга, изъ которой можно почерпнуть свѣдѣнія о Казани и Булгарѣ“), напечатаннаго въ Казани въ 1900 г. На страницѣ 4-ой этого сочиненія мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія по занимающему насъ предмету:

„При началѣ озера (Кабана), въ усадьбѣ, служащей мѣстопребываніемъ епископа, есть древнія мусульманскія могилы. Когда тамъ производилась стройка, то рабочіе подложили многіе камни подъ строеніе. Замѣтивъ это, нѣкто Григорій, который былъ въ то время казанскимъ епископомъ, а впослѣдствіи сдѣлался митрополитомъ, остановилъ рабочихъ, и такимъ образомъ небольшая часть остатковъ сахранилась въ цѣлости. Въ особенности надо замѣтить большой камень, который лежитъ у воротъ, при входѣ направо. Этотъ камень не походитъ на другіе камни; цвѣтъ его черный, самъ онъ твердый и большой; длина его $5^1/_2$ арш. (كز), ширина болѣе 5 четвертей, а толщина около $^1/_2$ арш. Надпись на немъ сдѣлана хорошимъ выпуклымъ почеркомъ ثلث, но чтеніе ея

очень затруднительно. Во-первыхъ, написано очень сжато, запутанно и мелко, во-вторыхъ, писавшій ее не проскребъ промежутковъ между нѣкоторыми словами тамъ, гдѣ ихъ надо было отдѣлить одно отъ другого: одну сторону проскребъ, а другую не проскребъ и оставилъ не прочищенной; въ-третьихъ, многія лица пробовали намазывать надпись чернилами, и эти чернила засохли и остались на камнѣ. Мною были прочитаны слѣдующія слова. Въ началѣ весьма крупно написано сульсомъ (ثلث) هو الحي الذى لا يموت; потомъ въ первой строкѣ: هذا مرقد السلطان الاكبر الاكرم غوث السلاطين; во второй строкѣ: الامير المكرم; въ третьей: المظفر; въ четвертой: الكرام والاماثيل العظام العلم; въ пятой: الى المظفر; въ шестой: الشرفين شخر آل; въ седьмой: والدين ظل الله العالمين въ восьмой. . . .; въ девятой: حسن بك بن مير محمود [1]). Кромѣ того, въ каждой строкѣ есть не прочитанныя слова; слово الاكرم въ первой строкѣ можно также прочитать الكريم точно такъ же слово الاماثيل (sic!) въ четвертой и слова девятой строки нѣсколько неопредѣленны. Однимъ словомъ, этотъ камень положенъ на могилѣ одного изъ царей, но хотя годъ и имя его опредѣленно и не извѣстны, все же, по моему убогому мнѣнію, судя по характеру и манерѣ рѣчи надгробія, можно понять, что онъ не изъ дѣтей чингизовыхъ (چنگز اولادلر), но былъ ранѣе ихъ.

Также около церкви лежитъ плита, разломленная надвое и покрытая выдолбленною надписью, сдѣланною почеркомъ كوفى и نسخ. Первая строка ея — пустая, во второй: هو الحي الذى لا يموت; въ третьей: وكل حى; въ четвертой: احمد, въ шестой: رحمة واسعة فاني دنيادين; въ седь-

[1]) т.-е., по его чтенію: „Это мѣсто погребенія великаго и чтимаго повелителя. . . . помощника повелителей. . . . эмира чтимаго. . . . побѣдоноснаго. . . . почтенныхъ и великихъ, знамени. . . . къ побѣдоносному. . . . двухъ почестей. . . . гордости рода. . . . и зѣры, тѣни Господа міровъ. . . . . Хасанъ-Бека, сына Миръ-Махмуда“.

мой: باقی أخرات تاریخ آلطی; въ пятой: طوش دن الطش جال ات ذاالحجه въ девятой: ابخ سکر کوان ابرنه کوان ات; въ десятой: الموت باب وکل الناس داخله; въ одиннадцатой строкѣ: بعد الموت т. е. „Этотъ человѣкъ, по имени Ахмедъ, умеръ въ пятницу, 8-го зуль-хиджа 666 года“.

Съ этого послѣдняго камня, лежащаго въ цвѣтникѣ передъ архіерейскимъ домомъ, возлѣ самой колокольни, мнѣ и былъ доставленъ фотографическій снимокъ, о которомъ я уже говорилъ выше. Какъ самый камень, такъ и высѣченная на немъ надпись сильно повреждены временемъ, а нижняя часть памятника, которою онъ нѣкогда вѣроятно былъ врытъ стоймя въ землю, повидимому отбита. Верхняя часть надписи частью сильно стерта, частью совершенно исчезла, и потому мало доступна чтенію. Эпитафія надгробія написана отчасти на арабскомъ языкѣ, частью же на томъ самомъ тюркскомъ нарѣчіи, слѣды котораго мы находимъ на многихъ могильныхъ камняхъ, какъ въ селѣ Успенскомъ-Болгарахъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Поволжья, и которое, состоя въ самомъ близкомъ родствѣ съ нынѣшнимъ чувашскимъ нарѣчіемъ, повидимому, было языкомъ волжскихъ болгаръ.

Различныя данныя, относящіяся къ вопросу о племенныхъ и лингвистическихъ отношеніяхъ древнихъ болгаръ къ современнымъ чувашамъ были частью собраны мною, какъ изъ литературныхъ источниковъ, такъ и на основаніи собственнаго изученія вопроса, въ моемъ предыдущемъ очеркѣ: „Болгары и чуваши“, помѣщенномъ на страницахъ „Извѣстій“ нашего общества (XVIII т. за 1902 г.), поэтому мнѣ представляется излишнимъ останавливаться на нихъ здѣсь вторично; замѣчу только, что съ того времени въ литературѣ появились указанія на нѣкоторые новые факты, подтверждающіе болгарскую теорію происхожденія чувашъ. Именно, я

долженъ упомянуть здѣсь о пространной рецензіи на мое только что названное сочиненіе, принадлежащей г. Б. Мункачи и напечатанной имъ въ 1—2, 3 и 5 выпускахъ венгерскаго журнала Ethnographia за 1903 г. Въ этой рецензіи г. Мункачи даетъ, между прочимъ, совершенно ясное объясненіе названія болгарской знати—*трунове*, слова, переданнаго намъ Троицкою лѣтописью, но оставленнаго мною безъ объясненія его происхожденія. Согласно толкованію венгерскаго ученаго, это реченіе является отраженіемъ тюркскаго названія должностныхъ лицъ *тудун*, отмѣченнымъ одною изъ наиболѣе характерныхъ чертъ чувашскаго консонантизма [1]).

Другой новый трудъ, касающійся интересующей насъ области,—это вышедшая въ 1903 г. въ Гельсингфорсѣ книга финскаго ученаго Yryo Wichmann'a „Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen", доказывающая на основаніи обширнаго лингвистическаго матеріала, что многія слова, заимствованныя изъ чувашскаго языка, встрѣчаются не только у вотяковъ, но и у пермяковъ и зырянъ. Этотъ фактъ съ одной стороны говоритъ намъ о древности заимствованія, съ другой же свидѣтельствуетъ о довольно высокомъ развитіи и широкой области вліянія, принадлежавшихъ народу, передавшему свои культурныя пріобрѣтенія окружавшимъ его племенамъ.

Говоря здѣсь о вторженіи чувашскаго элемента въ область сосѣднихъ финскихъ нарѣчій, я не могу умолчать о томъ фактѣ, что до настоящаго времени не было сдѣлано никакихъ попытокъ установить присутствіе чувашскаго элемента въ нарѣчіи казанскихъ татаръ, народа, ставшаго въ извѣстной степени наслѣдникомъ той высокой болгарской культуры, о которой мы слышимъ отъ нѣкоторыхъ арабскихъ

---

[1]) Ethnographia, 1903, 1—2 f., 72—73 l.

писателей. Это объясняется недостаточностью изслѣдованій, касающихся языка названныхъ татаръ, главнымъ же образомъ отсутствіемъ полныхъ словарей, въ которыхъ былъ бы собранъ по возможности весь употребляемый ими лексическій матеріалъ. Тѣмъ не менѣе, даже при пользованіи имѣющимися налицо словарями, нельзя не прійти къ тому выводу, что и казанско-татарское нарѣчіе, наряду съ другими инородческими, носитъ на себѣ явные слѣды соприкосновенія съ чувашскимъ языкомъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ намъ нѣкоторыя реченія, на которыя я и думаю здѣсь указать. Къ подобнаго рода заимствованіямъ слѣдуетъ отнести, напр., тат. слова: بکی бäкі, *прорубь*; کنچاله кӧнцала, *свёртокъ избитой шерсти, навязанный на прялку*; یاصمق цасмык, *чечевица*; کومبه гӧмба, *грибъ*; شومورت шӧморт, *черемуха*; سومسور сӧмсӧр, *нахально лѣзущій напроломъ, чтобы получить что-либо*; آچلامای ачламај (иначе آطلامای атламај, у крещеныхъ татаръ аталан мајы или, въ Уфим. губ., ak мај), *чухонское масло*, и нѣкоторыя другія, о которыхъ, по ихъ сомнительности, я пока не буду говорить. Въ особенности характерны первое и послѣднее слова, изъ которыхъ первое—не что иное, какъ измѣненіе чув. вакă (чит. *вагы*), вак, *прорубь*, перешедшее въ татарское нарѣчіе, измѣнивъ свои широкіе гласные звуки на узкіе въ силу той причины, что мягкіе гортанные *к* и *г* въ татарскихъ словахъ съ широкими гласными не встрѣчаются и требуютъ при себѣ узкихъ гласныхъ. Примѣромъ перемѣны широкихъ гласныхъ на узкіе подъ вліяніемъ мягкаго *к* или *г* могутъ служить также нѣкоторыя русскія слова, каковы: *голанка* (брюква), *катокъ*, *канава*, *конфекта* (въ просторѣчіи: *канфета*), *комедія* (въ просторѣчіи: *камедь*, балаганное представленіе), *чарка*, которыя перешли въ казан.-тат. нарѣчіе въ формахъ: „гäрäнкä, кäтӱк, кäнäў кäнфіт, кäміт, чäркä“. Если мы сравнимъ тат. „бäкі“ и

турецко-осман. слово того же самаго значенія „ӧгӯ" [1]). то невольно придемъ къ тому заключенію, что татарское реченіе, если бы оно не относилось къ числу чужеродныхъ элементовъ въ языкѣ, должно бы было имѣть совсѣмъ иное звуковое строеніе и явиться напр. въ формѣ *„ӱгі" (ср. тур. „ӧкӱз", тат. „ӱгіз", *быкъ*), а никакъ не въ формѣ „бӓкі". Что касается замѣны начальнаго чув. *в* татарскимъ *б*, то она вызвана отсутствіемъ этого звука въ каз.-тат. нарѣчіи, точно такъ же, какъ это произошло и въ нѣкоторыхъ словахъ, перешедшихъ къ татарамъ отъ русскихъ, каковы: „баҕун", *вагонъ*; „букбар", *букварь*, Біктір, *Викторъ*, и др.

Сравнивая каз.-тат. „шөмөрт", чув. ҫӗмӗрт (чит. *с'ӧмӧрт'*, *с'ӗмӗрт*) телеут., нижне-бійск. „јымырыт", абак. „намырт", конд. „ныбырт", *черемуха* (См. словарь протоіерея В. Вербицкаго. Казань, 1887 г.), также нетрудно усмотрѣть, что если бы названіе этого дерева не было татарами заимствовано, то оно, по извѣстному обыкновенію ихъ языка, начиналось бы звукомъ џ, отражающимъ у татаръ начальный тюркскій ј, а не звукомъ ш, очевидно замѣнившимъ чувашскій начальный *с'*.

Въ словѣ „ачламај" [2]) (вм. болѣе употребительной формы *атламај*) мы встрѣчаемся съ однимъ своеобразнымь фонетическимъ явленіемъ—замѣною обще-тюркскаго *т* звукомъ *ч'* или *с'*, нерѣдкою въ чув. языкѣ (см. мои „Матеріалы для изслѣд. чув. языка", стр. 99, 100, 101). Чуваши произносятъ это слово уҫлам-ҫу (чит. *ус'лам-з'у*, отъ гл. уҫла, чит. *ус'ла*, тат. „атла", пахтать), но такъ какъ казанскіе татары не имѣютъ въ своемъ нарѣчіи звука, который вполнѣ соотвѣт-

[1]) Въ словарѣ Ш. Сами-Бея قاموس تركى это слово объяснено такъ: اوگو ـ صو آلمق ايچون بوزى دلدكلرى ير .

[2]) См. словарь А. Насырова تاتارى لهجه, стр. ٢٤.

ствовалъ бы чувашскому *с́*, то они замѣнили его звукомъ *ч*, какъ сдѣлали это, напр., въ русскомъ имени „Василій“ (чит. *Вас́іл'ъј*), передѣлавъ послѣднее на „Бäчлі̥ј“.

Татарское реченіе سومسور „сөмсөр“ встрѣчается въ словарѣ لهجۀ تاتارى Абдъ-улъ-Кайюма Насырова (стр. ٢٥٦) и переводится тамъ арабскимъ словомъ حس (*чувство*); оно также приведено Насыровымъ и въ одномъ сложномъ выраженіи: „сөмсөрө kөjөлмḁk“, т. е. быть пораженнымъ, вдругъ услышавъ какое-либо извѣстіе“ (سومسورى قويولمق يعنى دفعة بر خبر ايشتوب متغير بولمق). Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ объясненіе Насырова невѣрно, такъ какъ слово „сөмсөр“ въ казан.-тат. нарѣчіи не означаетъ: „чувство“, а имѣетъ значеніе: „жадно лѣзущій напроломъ, чтобы получить что-либо“. Это реченіе примѣняется, напр., къ домашнимъ животнымъ; такъ овцу, которая жадно ломится къ корму, называютъ „сөмсөр сарык“. Что касается сложнаго выраженія, въ которомъ реченіе سومسور соединяется съ глаголомъ قويولمق, то оно не значитъ просто быть пораженнымъ (какимъ-либо извѣстіемъ), а означаетъ: быть *непріятно* пораженнымъ (извѣстіемъ), и должно быть объяснено по-татарски нѣсколько иначе, а именно: متغير و محزون بولمق. Если сопоставить каз.-тат. слова سوم сөм, *чувство*, سومسز сөмсөз *безчувственный* (у крещ. татаръ—*жадный*), سوم طويماس сөм тө̥јмас, *безчувственный*, съ чув. выраженіями: „сĕмсĕр“, у самар. чув. „сăмсăр“ (чит. *с̆öмзöр*, *сы̆мзы̆р*), *лѣзущій напроломъ, чтобы получить что-либо*; сĕмлен (*с̆öмл'эн'*), *смекать*, сĕм [1]) пĕлми вырт (*с̆öм бэл'ми вырт*), *лежать въ безчувственномъ*

---

[1]) Я думаю, что слово „сĕм“ въ послѣднемъ выраженіи не имѣетъ ничего общаго съ словомъ „сĕм“ въ реченіяхъ: сĕм-тĕттĕм (*с̆öм т'öт'т'öм*), *совершенно темный*, сĕм-суккăр, *совсѣмъ слѣпой*; сĕм вăрман, *дремучій лѣсъ*.

состояніи, ничего не сознавая, и луг. черем. „сӱмсӹр“ (съ тѣмъ же значеніемъ, что и чув. сӗмсӗр), то можно предположить, что интересующее насъ каз.-тат. слово представляетъ собою заимствованное чувашское „сӗмсӗр“ (изъ „сӗм“ + послѣлогъ „сӗр“, *безъ*, соотвѣтствующій татарскому „сыз“,—сіз,—соз,—сӧз“), которое первоначально могло значить: *безчувственный*, *непонимающій*, а потомъ, съ теченіемъ времени, стало употребляться для обозначенія нахальности и безцеремонности, подобно тому, какъ, напр., въ низшихъ слояхъ русскаго городского населенія выраженія: *у него нѣтъ никакого понятія*, *человѣкъ безъ всякаго понятія*—иногда употребляются для означенія людей, не знающихъ приличій и правилъ вѣжливости.

Слова „кӛнҫәлә“ и „гӛмбә“ любопытны еще въ другомъ отношеніи: какъ по ихъ значенію, такъ и по фонетическому строенію они могутъ быть причислены къ словамъ славянскаго происхожденія, и притомъ весьма древняго, такъ какъ въ нихъ сказались нѣкоторыя звуковыя особенности, уже несвойственныя теперь русскому языку, единственному изъ славянскихъ нарѣчій, область котораго соприкасается въ наше время съ областью чувашскаго языка. Татар. гӛмбә *грибъ*, чув. кӑмпа (*комба*, *кӳмба*) = др.-слав. *гжба*, губа; грибъ, рус. *губа* [1]), которое въ нѣкоторыхъ областныхъ говорахъ и понынѣ употребляется въ значеніи „грибъ“ (В. Даль); тат. „кӛнҫәлә, чув. кӗнҫеле (чиг. *кэнʼҫʼэлʼэ*) соотвѣтствуетъ др.-слав. *кждѣль*, польск. *kądziel*, русс. *кудель*, изъ которыхъ послѣднее, по объясненію Даля, означаетъ также и „свитокъ, свертокъ избитой шерсти“. Очевидно, что татары, какъ очень поздніе пришельцы, не могли заимствовать этихъ словъ у

---

[1]) См. также названное выше соч. г. Y. Wichmann'a, стр. 57, 58. О другихъ славянскихъ словахъ, имѣющихъ сродство съ чувашскими, говорится въ моемъ очеркѣ „Болгары и Чуваши“, стр. 111—114.

русскихъ, и взяли ихъ изъ чувашскаго языка; чуваши же получили ихъ изъ какого-то славянскаго нарѣчія, въ которомъ былъ носовой звукъ, обозначавшійся въ др.-славянской письменности буквою ѫ.

Слово „ɥасмыk“, чув. йасмăк (чит. *jасмы̆х*) напоминаетъ собою др.-слав. ꙗчьмыкъ, ячмень. Относительно перемѣны *ч-с* въ этомъ словѣ ср. у В. Даля прилаг. *ясменный*, вм. *ячменный*.

Возможности вліянія чувашскаго языка на татарскій, новидимому, не отрицаетъ и извѣстный татарскій ученый А. Насыровъ, словарь котораго мы уже цитировали выше; такъ, подъ словомъ آرپا صوی („арпа сыуы“) помѣщено въ его словарѣ замѣчаніе, можетъ быть и неосновательное, что слово صرا („сыра“), *пиво*, собственно не татарскаго происхожденія [1]), а принадлежитъ чувашскому языку (стр. ا ل).

Дальнѣйшія изслѣдованія въ области обоихъ языковъ, вѣроятно, обнаружатъ и другіе слѣды указываемаго здѣсь вліянія, и, можетъ быть, эти слѣды будутъ найдены не только въ лексическомъ матеріалѣ казанско-татарскаго нарѣчія, но и въ произведеніяхъ народной словесности. Во всякомъ случаѣ, народное творчество того и другого племени, въ пѣсняхъ, пословицахъ и загадкахъ, нерѣдко проявляетъ столь поразительное взаимное сходство, что невольно возникаетъ мысль о заимствованіи съ той или другой стороны; и если въ нѣкоторыхъ случаяхъ (именно въ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсняхъ) источникомъ заимствованія безспорно является татарская народная словесность, то въ другихъ случаяхъ вопросъ о сторонѣ вліянія пока остается открытымъ. Здѣсь я ограничусь сравненіемъ нѣсколькихъ татарскихъ и чувашскихъ пословицъ, представляющихъ наиболѣе сходства, какъ по ихъ содержанію, такъ и по словесному выраженію.

---

[1]) Это слово есть и въ киргиз. языкѣ; въ монгол. яз. пиво называется „шира усун“—„желтая вода“.

Тат. آبدراغان اوردك كوتى بلان چومار (аптыраҕан ӳрдäк кӳтi̯ бi̯лäн чумар), *чув.* аптăранă кăвакал кутăн ҫăмнă, растерявшаяся утка ныряетъ задомъ; *тат.* اشانغان طاوده كيوك يوق (ышанҕан тауда кi̯ji̯к ҫук), на той горѣ, на которую разсчитываешь, не оказывается дичи; *чув.* шаннă хăвара кайăк çук, въ томъ тальникѣ, на который разсчитываешь, не оказывается дичи; *тат.* ايوندە اوره پشرما كان كشى (өjөндä өjрä пi̯шi̯рмäгäп кi̯шi̯ өjөндä бутка пi̯шi̯рi̯р), не умѣющій сварить у себя дома похлебки въ чужомъ домѣ сварить кашу, *чув.* килте йытă нăтратма пĕлмен йалта йашка пĕçернĕ, не умѣвшій дома замѣсить собакѣ въ деревнѣ сварилъ похлебку; *тат.* اويوندان اويماق بولا (уjыннан уjмак була), изъ игры получается наперстокъ, *чув.* вăйăран вăкăр тухать, изъ игры выходитъ быкъ (т. е. игра можетъ повлечь за собою несчастье); *тат.* بلمىم برسوز بلامن ايكى سوز (бi̯лмi̯ji̯м бi̯р сӳз, бi̯лäм̯н iкi̯ сӳз), не знаю—одно слово, знаю—два слова, *чув.* пĕлмерĕн пĕр сăмах, пĕлтĕн çĕр сăмах, если не знаешь—одно слово, а знаешь—сто словъ (по значенію соотвѣтствуетъ русской: „Незнайка лежитъ, а знайка бѣжитъ“); *тат.* ايرسز خاتون جوكانسز آط (iрсi̯з катын ҫӧгäнсi̯з ат), *чув.* арсăр арăм йĕвенсĕр лаша, женщина безъ мужа, что лошадь безъ узды: *тат.* قارا ات بالاسى آق ات كا (кара i̯т баласы ак iткä), щенокъ черной собаки (навязанъ) бѣлой собакѣ, *чув.* хура йытă палли шурă йытта лекнĕ, провинность („замѣтка“) черной собаки пала на бѣлую собаку [1]); тат. چرا كورمى كوركان كوندز ياندرر (кӳрм̯jj кӳргäп кӧндӧз чыра ҫандырыр), *чув.* курмасăр курнă кăнтăрла çурта çутпă, тотъ, кто не былъ зрячимъ, а потомъ прозрѣлъ, среди бѣлаго дня свѣчу зажигаетъ [2]); *тат.*

---

[1]) Замѣтимъ здѣсь созвучіе между тат. „баласы“ и чув. „палли“ при совершенно различномъ значеніи этихъ словъ. Въ сборникѣ А. Насырова فوائد الجلساء вм. بالاسى стоитъ بلاسى (бäläсi̯), *бѣда.* ٩٥ стр.

[2]) Объясненіе этой пословицы и варіанты ея см. въ моемъ „Опытѣ изслѣдованія чув. синтаксиса“, стр. 415.

صوفی صوغان سویماس کورسه قابوغین‌ده قویماس (суфī суҕан сӧјмӓс, кӱрсӓ kабыҕын да kујмас), суфій не любитъ луку, а увидитъ, такъ и шелухи не оставитъ, чув. сӓпӑ (*сы̆бы̆*) хӗр сухан çимен тет, çийе пуçласан хуппине хӓварман тет, притворщица дѣвушка не ѣстъ луку, а какъ станетъ ѣсть, и шелухи не оставитъ [1]); *тат.* یارلی کشی آقچه‌سی طورنا بولوب قچقرا (ɥарлы кі̥ші̥ аkчасы төрна̥ булыб kычkыра), *чув.* çук çын укçи тӑрнанӑн кӑшкӑрат̆, деньги бѣдняка журавлемъ кричатъ; *тат.* یخشی‌غه کون یوق یامانغه اولوم یوق (ɥаkшыҕа кӧн ɥуk, ɥаманҕа ӱлі̥м ɥуk), *чув.* кунне кун çук, киревсӗре вилӗм çук, смирному нѣтъ житья, негодяю нѣтъ смерти; *тат.* بر توکورکان توکورکنی کیری یوتوب بولمای (бі̥р тӧкӧргӓ̥н тӧкӧрӧкнӧ кірі̥ ɥөтөб булмыј), чув. сурнӑ сурҕӑка кайалла çуласа илмелле мар, разъ выплюнутый плевокъ не возьмешь назадъ въ ротъ (но-тат. „не проглотишь снова“); *тат.* زمانه‌سنه کوره دونکغزنی‌ده جیزنی دیرورسن (заманасына кӱрӓ дунҕызны да ɥізні̥ј дірі̥рсі̥н), по времени глядя и свинью назовешь зятемъ, *чув.* тӗл килмесен сыснана та йысна тесе калӑн, въ случаѣ неудачи и свинью назовешь зятемъ [2]).

Приводя здѣсь нѣкоторыя новыя данныя, которыя могли бы служить къ уясненію вопроса объ отношеніяхъ чувашъ къ камскимъ болгарамъ, я считаю умѣстнымъ сообщить еще объ одномъ новомъ указаніи, касающемся почитанія чувашами билярскихъ святынь и добытомъ мною уже послѣ выхода въ свѣтъ моей статьи „Болгары и чуваши“, въ которой я говорилъ объ этомъ предметѣ. Въ рукописи на чувашскомъ языкѣ, составленной и переданной мнѣ крестьяниномъ дер. Нижнихъ Панклей (Пантљи, чит. *Пантл'и*) чувашско-сорминской вол.

---

[1]) По чувашскому объясненію, сӑпӑ çын—çынна лайӑх пек курӑнасшӑн çӱрекен çын (лицемѣръ).

[2]) Приводимыя здѣсь татарскія пословицы заимствованы изъ сочиненія А. Насырова قرقباقچه („Сорокъ садовъ“), напечатаннаго въ 1902 г. въ Казани, въ типографіи Бр. Каримовыхъ.

ядр. у. Егоромъ Борисовымъ, упоминается въ числѣ трехъ важнѣйшихъ киреметей, которыхъ почитали чуваши, живущіе по рѣкѣ Сормѣ (Сорăм-шу), киреметь Полӌарта (*Пол'арда*) имя которой можно видѣть изъ слѣдующей, приводимой въ рукописи, языческой молитвы: „Ман Киремет, Ӭĕке-Ту, Полӌарта! сире асăнма, сире ӭӳклеме сăра турăмăр, лашасам пусса, ĕнесем пусса апат пĕçертĕмĕр. Пирĕн хорлăха илĕр, ешĕр тарăхтартăмăр полсан пире каçарăр. Пире лайăх таса порăнма, пĕтĕм Сорăма, хайпĕр йала, хайпĕр киле, ватти-йашшипе, аӭи-пăӭипе выӌăх-ӭĕрлĕхпе порăнма парăр. Тырă-полă, апат-çимĕç туса парăр пире. Пире килте те, çол çӳренĕ ӭох та вăрă-хорахрап, çырма-çатраран, лакăм-сĕкĕмрен, опа-кашкăртан хăтарăр. Ӭирлисене сывагăр, сыввисене таса осрăр. Çырлахăр, киреметсем, епĕр ӭӳкленине йышăнăр!“— т. е. „Главная-Киреметь, Крутая-Гора и *Полярда!* мы сварили пива, чтобы помянуть васъ и принести вамъ жертву; заколовъ лошадей и коровъ, мы наварили вамъ яствъ. Снимите съ насъ наши печали; если мы прогнѣвали васъ, то простите. Подайте намъ хорошую и здоровую жизнь, подайте жизнь всему сорминскому краю, каждой деревнѣ и каждому дому, старымъ и малымъ, скотинѣ и животинѣ. Уродите намъ хлѣба-жита и всякой снѣди, спасайте насъ и дома и въ дорогѣ отъ воровъ и разбойниковъ, отъ овраговъ-трущобъ, отъ выбоинъ и ухабовъ, отъ медвѣдя и волка. Больныхъ исцѣляйте, здоровымъ сохраняйте здоровье. Помилуйте, киреметн, и примите нашу жертву!“—Хотя въ рукописи и указано, что названныя здѣсь три киремети обитали на берегахъ р. Сормы, но въ виду того обстоятельства, что чуваши нерѣдко связываютъ то или другое урочище съ именемъ киреметей, первоначальный культъ которыхъ возникъ не въ этихъ урочищахъ, а гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ [1]). я думаю, что

[1]) Напр., въ томъ-же сорминскомъ краѣ рукопись называетъ „Сар-тăван киремет“, встрѣчаемую нами и въ козм. у. („Болг. и чув.“, стр. 62). См. также В. Магницкаго, „Матер. къ объясн. стар. чуваш. вѣры“, 75 стр.

не будетъ ошибкою, если мы станемъ разсматривать наименованіе „Пољарта“ лишь какъ *мѣстный падежъ* нынѣ уже забытаго названія * Пољар (=Пӳлер, *Билярскъ*), который у чувашъ, позабывшихъ его этимологію и первоначальное значеніе, сдѣлался склоняемымъ именемъ [1]), обратившись изъ наименованія города въ наименованіе божества. Такимъ образомъ реченіе „Пољарта“ (соб. „въ Билярскѣ“) является, по моему мнѣнію, лишь обломкомъ какого-то прежняго названія билярской святыни, случайно уцѣлѣвшимъ у ядринскихъ чувашъ, теперь уже ничего не знающихъ о г. Билярскѣ.

Возвращаясь къ занимающей насъ надписи на могильномъ камнѣ, я скажу о ея содержаніи слѣдующее.

Первое слово эпитафіи, вѣроятно, личное мужское имя, второе слово—существ. اول, *сынъ*; далѣе слѣдуетъ начало личнаго имени با (діакритическихъ точекъ на немъ нѣтъ), конецъ котораго разрушенъ, а послѣ него, повидимому, высѣчено слово هبر *дочь*, отъ котораго сохранилась лишь конечная буква. Поэтому сложное имя, высѣченное на камнѣ далѣе, можно считать за личное имя женщины, нѣкогда погребенной подъ этимъ камнемъ [2]). Я читаю это женское (?) имя (хотя и далеко не съ полною увѣренностью): الطن برت и вижу въ немъ современное чувашское ы лтăн-пăрҕ, сохранившееся въ качествѣ названія одного урочища въ ядр. (?) у. и имѣющееся въ моихъ чувашскихъ записяхъ. Послѣднее названіе я считаю равнозна-

---

[1]) Въ рукописи говорится: „Виçĕшне: Мăн-Киремете, Ҕĕке-Ту киремете, Пољартана пĕтĕм Сорăм асăннă“ („Три киремети: Главную-Киреметь, киреметь Крутую-Гору и Полярду, чествовалъ весь сорминскій край“). Ср. склоненіе косвен. падежей словъ: „çур-кунне, *весна*, кĕр-кунне, *осень*: çур-куннере, çур-куннерен и пр.

[2]) Судя по величинѣ разрушенной части слѣдующей строки, есть основаніе предполагать, что между именемъ الطن برت (такъ я читаю имя покойницы) и слѣдовавшимъ далѣе реченіемъ رحمة другихъ словъ могло и не быть.

чущимъ чувашскому ылттăн пĕрҙи, ылтăн пĕрҙи (чит. *ылт-тын пэ̆рҙи, ылдын пэ̆рҙи*), что значитъ: *крупинка золота*, такъ какъ узкозвучное „пĕрҙи" въ сложномъ наименованіи могло перейти въ широкозвучное подъ вліяніемъ предшествующаго широкозвучнаго слова. Надо замѣтить, что названія металловъ и другихъ блестящихъ предметовъ вообще иногда входятъ въ составъ языческихъ именъ, употребляющихся у чувашъ; таковы, напр., мужскія имена: Тимĕр, Тимĕркке, Тимĕреç (не смѣшивать съ нариц. тимĕрçĕ, *кузнецъ*, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ другимъ аффиксомъ (см. „Болг. и чув." стр. 64, 78), и женскія: Ылттăнпи, Кĕмĕлпи и Сарука (сарă-ука, букв. „*желтая мишура*") [1]). Такимъ образомъ чтеніе эпитафіи будетъ слѣдующее:

....ىلداش (?) اول ىا

....ر الطن برت

(رحمه) الله عليها

رحمه واسعه وانى دنيارا ...

باقى اجان طوى تاريخ الط (جور)

طوخر وان الط. س جال ات ذا الحجه

ابغ سكر كران ايرن كران ات

الموت باب وكل الناس داخله

و يا ليت شعرى

بعد الموت بالدار

---

[1]) Въ дер. Отарахъ (Утар, чит. *Удар*, ядр. у. одинъ чувашинъ, жену котораго звали Укахви (чит. *Угахви*, Агаѳья), по созвучію называлъ ее въ первые дни послѣ свадьбы „Ука-Сарри" (букв. *желтый блескъ мишуры*). Надо замѣтить при этомъ, что „сарă" (русый)—любимый цвѣтъ волосъ у чувашъ, а мишура (ука)—любимое украшеніе, часто упоминаемое въ пѣсняхъ.

т. е.

„Ылтынъ-Бюрди (?), дочь.... Ба (Иа?)..., сына...., да будетъ надъ нею милость Божія милостью широкою. Возвращеніе ея изъ міра тлѣннаго въ міръ (?) вѣчный совершилось по времясчисленію въ 696-омъ году, въ восьмой день мѣсяца зуль хиджа, въ день пятницы [1]).

Смерть есть дверь, и всѣ люди войдутъ въ нее. О, если бы мнѣ знать объ обиталищѣ моемъ послѣ смерти!“

Словъ هو الحى الذى لا يموت и وكل حى на моемъ снимкѣ нѣтъ совсѣмъ; точно такъ же нѣтъ мужского имени احمد, которое Марджани прочиталъ въ 4-ой (по его счету) строкѣ надписи, тамъ, гдѣ я читаю برت, и существительнаго اخرات (*загробная жизнь*) послѣ слова باقى. Послѣдняго слова въ надписи не можетъ и быть, такъ какъ оно пищется по-арабски آخرة, а мы не имѣемъ основаній предполагать, чтобы столь общеупотребительныя слова изображались на надгробіяхъ въ искаженномъ видѣ. Какъ мы увидимъ далѣе, здѣсь слѣдуетъ видѣть не арабское существительное, а тюркскій глаголъ.

Названія мѣсяца и дня прочитаны татарскимъ ученымъ вѣрно, но невѣрно его чтеніе года смерти покойницы: по объясненію Марджани подъ камнемъ похороненъ мужчина Ахмедъ, умершій въ 666 г., на самомъ же дѣлѣ на плитѣ читаются совершенно опредѣленно числительныя الط (جور) طوخر وان — 696 [2]), что соотвѣтствуетъ, по христіанскому счисленію, 1297-му году; а что подъ памятникомъ погребена женщина, указывается арабскимъ عليها. Послѣднія слова надписи: „О, если бы мнѣ знать объ обиталищѣ моемъ послѣ смерти“! — муллою не прочитаны и оставлены безъ перевода.

---

[1]) Т. е. 27 сентября 1297 г.

[2]) Только числит. جور стерто, но оно совершенно легко реставрируется, такъ какъ кромѣ него здѣсь ничего другого, очевидно, и быть не можетъ.

Однимъ изъ доказательствъ вѣрности моего чтенія даты памятника можетъ служить также и то обстоятельство, что при вычисленіи по календарнымъ таблицамъ Lacoine'а и Горбачевскаго времени, соотвѣтствующаго 8-му числу мѣсяца зуль-хиджа 696 г. гиджры, оказалось, что въ это число должна быть пятница, что дѣйствительно значится и на самомъ надгробіи, гдѣ высѣчены слова ایرن کوان, т. е. то же самое, что названіе пятницы у чувашъ: ерне-кун (*эрн'э-гун, эрн'э-гон*).

По поводу значенія послѣдняго названія слѣдуетъ замѣтить слѣдующее. Нѣкоторые думаютъ, что сложное чувашское выраженіе „ерне-кун" въ буквальномъ переводѣ означаетъ „недѣльный день"; однако въ дѣйствительности такое мнѣніе, мнѣ кажется, совершенно ошибочно, такъ какъ при точномъ переводѣ это выраженіе значитъ только: *день пятницы* и ничего болѣе. Только при послѣднемъ толкованіи намъ станетъ понятнымъ чувашское названіе четверга „кĕçнерни-кун" (*кэс'н'эр н'и-гун*), вм. *кĕçĕн ерни кунĕ, т. е. *день малой пятницы*, а не „малый недѣльный день", потому что, если принять послѣднее значеніе, то нельзя будетъ объяснить присутствіе суффикса притяжательнаго 3-го лица „и" въ словѣ „кĕçперни". При переводѣ, который даю я, этотъ суффиксъ объясняется безъ всякаго труда: онъ, какъ это вообще свойственно данному суффиксу, указываетъ здѣсь на обособленіе и выдѣленіе одного предмета изъ нѣкотораго ряда однородныхъ предметовъ: „кĕçнерни-кун" — это, à la lettre, „день малой изъ пятницъ"; при первомъ же переводѣ („малый недѣльный день") присутствіе суффикса *и* въ чувашскомъ названіи четверга было бы совершенно необъяснимо. Также и самое реченіе „ерне" (*тат.* атна, *башкир.* аʒна, отъ персид. ادینه *пятница*) первоначально должно было означать лишь одинъ день въ недѣлѣ—*пятницу*, и только впослѣдствіи получило значеніе „недѣли", подобно тому, какъ слав. „недѣля" сначала обозначало лишь одинъ день недѣли — воскресенье. Вмѣсто обще-чувашскаго „ерне-кун" чуваши западной части козмод. уѣзда (Верхніе-Олгаши, Малое Карачкино и др.)

пользуются словомъ мăнарни-кон (*мӧнарн'и-гон, мы̆нарн'и-ҕон*), вм. *мăн-ерни-конĕ, соб. *день большой пятницы*, въ отличіе отъ „дня малой пятницы", четверга [1]).

Въ соотвѣтствіе съ только что сказаннымъ, я и чувашскія названія „вырсарни-кун", *воскресенье*, „ытларни-кун, ытлари-кун, утлари-кун", *вторникъ*, перевожу буквально — первое: „день русской пятницы" (т.-е. день русскаго праздника, такъ какъ вообще у мусульманъ и язычествующихъ чувашъ праздникомъ считается пятница), а второе: „день лишней пятницы" (срав. названіе этого дня у мишарей „буш кӧн", у мордвы-мокши „шав ші", т. е. *пустой день*); послѣднее чувашское названіе иначе и не можетъ быть переводимо въ силу грамматическихъ основаній, указанныхъ мною выше, если только не допустить здѣсь, что суффиксъ 3-го лица въ этомъ выраженіи не имѣетъ никакого смыслового значенія и прибавленъ лишь *механически*, по аналогіи съ названіемъ „кĕҫнерни-кун".

Замѣчательно, что черемисы и вотяки, принявъ отъ чувашъ *въ переводѣ* названія дней недѣли [2]), перевели названіе вторника не по его точному смыслу, а по тому значенію, какое даетъ ему народная этимологія, которая производитъ это названіе отъ гл. „утлан", *садиться верхомъ* [3]). Это видно

---

[1]) Срав. луг. черем. *куҕарн'а* (вм.* *куҕу арн'а*) пятница, *ізарн'а* (вм.* *ізі арн'а*), четвергъ.

[2]) То же самое я нашелъ отчасти и у татаро-чувашъ цив. у., у которыхъ дни недѣли, начиная воскреснымъ, называются такъ: „урыс-атнас-кӧн (вм. урыс-атнасы-кӧн), тундікӧн (чув. тунти-кун, чиг. *тунδи-гун*), утларі-кӧн, кан-кӧн, кі̥чі̥-атна, атна-кӧн, шімбä-кӧн".

[3]) См. у В. К. Магницкаго: ытлари-кон утланат̆, *вторникъ садится верхомъ* („Матер. къ объясн. стар. чув. вѣры", стр. 24).

изъ черемисскаго названія этого дня „кышкыжмы, кушкыжмы“ и вотскаго „пукс'он нунал“ [1]).

Какъ я уже замѣтилъ выше, слова اخرات, прочитаннаго Шигабуддиномъ Марджани, на камнѣ нѣтъ; вмѣсто него я вижу здѣсь глагольную форму съ окончаніемъ طوی, какъ и на нѣкоторыхъ другихъ болгарскихъ памятникахъ передъ словомъ تاریخ. Основою глагола можно было бы предположительно считать جان, которое соотвѣтствовало бы тюркскому يان *возвращаться*, однако въ нынѣшнемъ чувашскомъ нарѣчіи мы этого слова не встрѣчаемъ. Слово, высѣченное на камнѣ передъ словомъ باقی и, вѣроятно, соединенное съ послѣднимъ по способу персидскаго اضافه, въ нижней своей половинѣ разрушено и мною не прочитано. Къ особенностямъ надписи я отношу слѣдующія: а) буква ن въ словѣ الطمس *шестой* (я читаю: *алтыныш*) изображена только одною діакритическою точкою, безъ основной черты; б) конечное ی, не соединенное съ предыдущею буквою, пишется на памятникѣ въ формѣ, напоминающей цифру 2; в) конечное ه въ названіи мѣсяца „зуль-хиджа“ (на камнѣ ذا الحجه) новидимому сливается съ окончаніемъ буквы ج, скрадываясь въ ея нижнемъ завиткѣ, и г) діакритическія точки надъ буквами почти вездѣ отсутствуютъ.

Что касается значенія разбираемой нами надписи въ научномъ отношеніи, то оно сводится къ слѣдующему: 1) надпись надгробія даетъ намъ нѣкоторый новый матеріалъ для изученія почерка болгарскихъ могильныхъ камней; 2) она нѣсколько увеличиваетъ тотъ ничтожный запасъ словъ, какой сталъ намъ извѣстенъ изъ ранѣе разсмотрѣнныхъ памятниковъ этого рода и 3) если исключить возможность переноса

---

[1]) См. также Y. Wichmann, ibid.

памятника съ другого мѣста, что вообще мало вѣроятно [1]), то названный памятникъ можетъ служить доказательствомъ тому, что въ концѣ XIII в. въ окрестностяхъ г. Казани существовало культурное населеніе, говорившее на языкѣ, близкомъ къ языку нынѣшнихъ чувашъ.

Н. Ашмаринъ.

---

[1]) Первая плита, лежащая у воротъ архіерейскаго дома, настолько велика и массивна, что едва ли могла быть перевезена съ другого мѣста; если бы камни были привезены сюда для строительныхъ надобностей, то она, для удобства перевозки, вѣроятно, была бы предварительно разбита на части.

Мусульманскій могильный камень въ загородномъ архіерейскомъ домѣ около Казани.